
В. К. КОЛОМИЕЦ

**ИТАЛИЯ:
ПРИМЕР ФОРСИРОВАННОГО
ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

В статье рассмотрен пример форсированного догоняющего развития той пространственной социальной реальности, которую на протяжении Нового и Новейшего времени являет собой Италия. Будучи страной западного мира, принадлежащей к техногенной цивилизации, Италия продолжает сохранять существенные элементы цивилизации традиционалистской, которые остаются во многом решающим фактором ее относительной отсталости, постоянно заявляющей о себе вплоть до сегодняшнего дня. Эта ситуация на протяжении всего рассматриваемого периода продолжает порождать различные проекты преодоления отсталости, должны навестать упущенные исторические возможности.

Ключевые слова: Италия, развитие, форсированное догоняющее развитие, техногенная цивилизация, традиционалистская цивилизация, отсталость.

Научная рефлексия относительно исторического развития, сполна учитывающая его долговременные факторы и преемственные связи, оказывается наиболее продуктивной применительно к тем пространственным социальным реальностям, которые, как, например, Италия, имеют длительную и насыщенную яркими событиями историю (Коломиец 2019: 50). Да и связь времен, дефицит которой все острее переживается современным цифровым обществом, там всегда отличалась особой прочностью. Более того, в Италии бывала скорее иная крайность: во все исторические времена прошлое жестко и властно напоминало о себе в настоящем, предъявляя свои притязания и на будущее. Вплоть до того, что, согласно некоторым историографическим веяниям, заявляющим о себе со сравнительно недавних пор с известной периодичностью, общественный уклад,

сложившийся в Италии, даже в Новейшее время определяется как традиционалистский. И в этой логике страна почти обречена принадлежать ареалу скорее традиционалистской, нежели техногенной цивилизации (Лисовский 1979; 1990; 1992; Патнэм 1996). Разумеется, процессы девальвации прошлого, как и исторической памяти о нем, не обошли стороной и итальянское общество. Впрочем, независимо от этих новейших веяний итальянское общество всегда отличалось и продолжает отличаться завидной «памятливостью», а временами даже самым настоящим «злопамятством» по отношению к собственному прошлому.

И все-таки как бы ни были прочны «скрепы», обеспечивающие связь исторических времен, засилье прошлых, реликтовых и архаичных составляющих общественного уклада никогда не было абсолютным, а частые рецидивы этой архаизации – сколь-либо продолжительными. Однако все это порождало особую остроту конфликтности в итальянском обществе: прошлое оспаривалось настоящим самым решительным, временами даже беспощадным образом, нередко терпя сокрушительные поражения. Процесс исторического развития, несмотря на всю весомость в нем преемственных связей, отличался прерывистостью, в результате чего старые общественные силы вынуждены были уходить из активной политики, а созданный ими политический уклад подвергался тотальному отрицанию и демонтажу, зачастую еще не в полной мере исчерпав свой потенциал.

Действительно, Италия – пространственная социальная реальность, страна, государство-нация, одно лишь упоминание о которой вызывает моментальные ассоциации с ее великим прошлым, незаурядным и неординарным вкладом в европейскую и мировую цивилизацию, историческими мифами – античной Древности, Средневековья, Возрождения, а в Новое и Новейшее время – Рисорджименто и Сопротивления. Ей, стране западного мира, на протяжении XX столетия и особенно по его завершении довелось пережить едва ли не самые острые моменты решающего исторического выбора альтернатив своего развития, сопряженные с резкими изменениями в соотношении социальных и политических сил, возникновением новых форм реализации власти и новой государственности.

Относительно позднее обретение национального единства, достигнутого на основе системы шатких, неустойчивых компромис-

сов, отозвалось, как следствие, в XX и XXI вв. непримиримо конфликтным противостоянием власти и оппозиции. С тех пор на протяжении уже более полутора веков во внутривнутриполитической жизни страны постоянно воспроизводится мощный потенциал антисистемных, а временами и откровенно антиэтатистских сил. Эти остро конфликтные процессы определяют хроническое состояние общественной нестабильности, которая оборачивается частыми, по историческим меркам – почти «калейдоскопическими» сменами облика Италии – ее государственного устройства, партийно-политической системы, политического класса (Kolomijec 2013: 143–144). Эта сущностная черта национальной политической культуры с удивительной пронизательностью была подмечена еще в эпоху промышленной революции на рубеже XIX и XX вв. Основоположники, классики и популяризаторы марксистской теоретической мысли смогли отразить ее и поставить во главу угла своих объяснительных схем, закладывая концептуальные основы истории Италии (Коломиец 2015: 16–22; 2020: 184–185).

Последние десятилетия XX в. явились трудным и серьезным испытанием для итальянской республиканской государственности – Первой республики, начало которой восходит ко второй половине 1940-х гг., отмеченных победой национально-освободительного антифашистского движения Сопротивления. То был исторический период, вместивший в себя исполненные глубокого драматизма 1960–1980-е гг., окрещенные в итальянской политической традиции «свинцовыми», «ночью республики». То было время разгула политического терроризма, организованной преступности и насилия, небывалой активизации экстремистских сил правого и в особенности левого толка – «вооруженной партии», одержимо нацеленной на разрушение ключевых государственных институтов, а в ближайшей перспективе и на ниспровержение существующей государственности.

Италия, таким образом, оказалась едва ли не первой западноевропейской страной, которая напрямую столкнулась с угрозой международного терроризма (Васильцов 1983: 64–76; Коломиец 1985; Лисовский 1997; Vašić 2003: 5–7; Пара 2017; Marini 2018; Papadia 2018) – социального зла, в наши дни поражающего мир доселе невиданными формами и масштабами. Отзвук тех драматических

времен ясно различим в рецидивах террористической активности и других разновидностях политического вандализма, обнаруживших себя в Италии как в самом конце XX в., так и в начале нового века и тысячелетия.

На протяжении своей новейшей истории Италия периодически ввергалась в условия чрезвычайности, будучи вынуждена противостоять, защищая свои государственные основания, то опасности авторитарного перерождения власти, то вспышкам терроризма, то вызовам со стороны организованной преступности (Jamieson 1999). На судьбах страны на Апеннинах сказались и те геополитические катаклизмы начала 1990-х гг., спровоцированные распадом Советского Союза (Левин 1996), которые, сняв многие, в том числе и психологические, барьеры, возродили такую архаичную и вместе с тем экзотичную форму политического движения, как сепаратизм, впервые со времен национального объединения поставив под вопрос правомерность существования единого итальянского государства (Яхимович 1997; 2005; Вялков 2007; Левин 2009).

Развитие Италии как пространственной социальной реальности по устоявшейся политической и историографической традиции неизменно и правомерно сопровождается эпитетами «запоздалое», «отсталое», «догоняющее», а также им подобными и синонимичными, какими обозначались страны, «пришедшие вторыми» (*second comer*) к индустриальному уровню развития, уступив пальму первенства более динамично развивавшимся соседям. Это отразилось и в традиции марксистского историзма, который относительно обоснованно и правомерно приписывал самому феномену отсталости отличительные черты «какого-нибудь итальянского» (Ленин 1967: 48) типа развития, вкладывая в это понятие знаковый нарицательный смысл. От этого и сам концепт развития вмещал в себя довольно ограниченные смысловые значения: его задача всецело сводилась к преодолению отсталости. Самому развитию такая концептуализация настойчиво диктовала довольно ограниченные цели, сужая для данной пространственной социальной реальности горизонты ее целеполагания.

Так, например, самый предварительный и поверхностный мониторинг заглавий новейших исследований по Италии по ключевому слову «развитие» выявляет его почти исключительные ассо-

циации с «южным вопросом» – извечным и печальным символом итальянской отсталости, вроде бы и во многом уже давно решенным, но при ближайшем рассмотрении, как оказывается, все еще настоятельно требующим своего решения.

Причем этот «южный вопрос» оказывается едва ли не единственной узкоспециализированной областью научного исследования – регионалистики и политики экономического развития отсталых регионов, – в которой концепт *развитие* предстает в своем полноценном и полновесном виде, в качестве самостоятельной понятийной единицы (Miotti 2017; Giannola 2017; Della Morte, Gliatta 2017). Однако, оценивая италоведческую проблематику с более широких позиций, следует признать, что сфера применения концепта развития никак не исчерпывается и не ограничивается одними лишь региональными исследованиями, и «южным вопросом» в частности. Напротив, концепт развития при его расширительном толковании может быть распространен на весь исторический процесс, в различных состояниях которого пребывала пространственная социальная реальность, известная как страна Италия. Более того, исторические фазы этого процесса не могут быть реконструированы иначе как посредством именно концепта развития.

Единое государство-нация на Апеннинах возникло только в 1860–1870-е гг., существенно позже по сравнению с его соседями, составившими влиятельный и престижный клуб великих европейских держав. Очевидная диспропорция в развитии Европейского континента обрекала Италию в самом лучшем случае на статус европейской державы среднего уровня развития, а в худшем – на периферию Европы, на ее далекие и провинциальные задворки. Но именно неприемлемость такой перспективы властно диктовала стране с только что обретенной и откровенно слабой государственностью непомерные по ее возможностям и ресурсам цели и амбиции, предполагавшие это самое развитие по пути намерстывания упущенного ради достижения желанного и вожделенного великодержавия.

Тень последнего словно бы незримо и подспудно присутствовала в исторической памяти о великодержавном прошлом античной древнеримской государственности, которая, пусть опять-таки неявно, но служила вдохновляющим примером для новой Италии.

В период фашистской диктатуры, когда тоталитарная государственность и вовсе обладала дефицитом легитимности и с затаенной болезненностью ее переживала, это вождение приняло явные и нарочито показные формы. До предела мифологизированное величие Древнего Рима стало для нее спасительным ориентиром, а история древнеримской Античности – неистощимым ресурсом для тех политических технологий, которые разрабатывались на основе соответствующего мифа во имя национального единения и примирения в рамках консенсуса тоталитарного общества.

Бесспорно, решение вопроса о власти в его умеренном варианте, в конституционно-монархической форме государственного устройства, завершившее объединительное движение Рисорджименто, стало предпосылкой процесса модернизации итальянского общества, открыв перспективы преодоления его отсталости, превращения страны в аграрно-индустриальную. И все-таки долгое время Италия имела (и сохраняет по сей день) устойчивую и вполне оправданную репутацию страны относительной, а по некоторым показателям – и абсолютной отсталости, страны, десятилетиями обреченной, таким образом, на догоняющее развитие.

Один из самых верных и долгое время зримых признаков отсталости страны на Апеннинах – эмиграция итальянцев, первый импульс которой был дан экономическим кризисом 1887 г. и которая стала неизбежным следствием индустриального роста и промышленной революции, создавших крайне напряженную ситуацию на рынке труда. Отсталость, таким образом, парадоксально воспроизводилась на новом уровне исторического развития, содержанием которого являлась ее очевидная противоположность – модернизация социальной реальности.

Эмиграция – и в сопредельные европейские страны, и в Новый Свет – растянулась почти на столетие. Причем эту негативную тенденцию не могли переломить часто по историческим меркам сменявшиеся формы реализации власти, будь то олигархическая консервативно-парламентская демократия времен конституционной монархии – либерального государства, вышедшего из объединительного движения Рисорджименто, или тоталитарная диктатура периода фашизма, или массовая республиканская демократия послевоенного времени. Согласно официальным статистическим дан-

ным, в течение почти века – с 1876 по 1988 г. – Италию покинули почти 27 млн жителей. А в итоге те общие потери людских ресурсов, с учетом численности потомков эмигрантов, которые страна понесла за весь период эмиграции, составили 58 млн человек, что примерно равняется населению современной Италии (Бонифаци, Строща 2004).

Все проекты модернизации итальянского общества, которые в разное время пытались осуществлять те или иные властные группировки в своих попытках наверстать некогда упущенные исторические возможности, учитывали как старые, так и новые факторы отсталости, в том числе и репутационно-имиджевого характера, стремясь преодолеть или нейтрализовать их негативные последствия. Колониальная политика, важная для истории той же эмиграции, была одним из мероприятий итальянских правящих классов, рассчитанным на длительную перспективу. То была погоня за имиджем великой европейской державы, открывавшим доступ в этот престижный клуб. Италия настойчиво и долгое время тщетно добивалась этого, поскольку обладание колониями было непременным залогом модели передового развития и индустриального роста, обнаружившей и доказавшей на ярком примере ведущих европейских держав свою эффективность в эпоху промышленной революции, да и по ее завершении.

Но проблема заключалась в том, что Италия была обречена решать проблему столь необходимых ей колониальных приобретений в ограничительных рамках все того же догоняющего, форсированного развития, часто и, как правило, на пике и пределе своих реальных сил и возможностей. Это определялось как скудостью ее собственных сырьевых ресурсов, так и аграрной перенаселенностью страны, наличием высокой безработицы, социальной напряженности и прочих признаков отсталости. Поэтому практически каждое новое колониальное приобретение, будь то Эритрея, Сомали, Ливия (в период либерального государства) или Эфиопия (во времена фашистской диктатуры), непременно и неизменно оборачивалось пирровой победой, провоцируя острые политические кризисы внутри страны, сотрясавшие и без того слабую итальянскую государственность.

А поражение во Второй мировой войне и вовсе свело практически на нет саму идею итальянского колониального великодержавия, предрешив его плачевную судьбу.

Другое направление стратегии намеренности упущенного во внешнеполитических вопросах пришлось уже на послевоенное время, когда задача достижения великодержавия для Италии, оказавшейся по итогам Второй мировой войны в числе побежденных, на повестке дня не стояла, превратившись в сущий анахронизм. Однако лидерские амбиции Италии во внешней политике, несмотря на поражение в недавней войне, отнюдь не были исчерпаны. На этот раз они связывались с проектом создания единой Европы.

Авторство европейской идеи – послевоенного устройства Старого Света на основе гармонии разнородных национально-государственных интересов, что защищало бы его от разрушительных войн, подобных двум мировым, – в немалой степени принадлежало Италии, выступившей в роли одного из архитекторов европейского единства, и итальянским левым в частности (Коломиец 2013: 233–234).

Тем не менее в создаваемой заново Единой Европе решающий голос обрела не Италия, а ее экономически более передовые и могущественные соседи, в первую очередь – побежденная Германия и победившая Франция. Обусловленные таким развитием событий неудовлетворенные внешнеполитические амбиции Италии послужили в последние десятилетия, отмеченные кризисом европейской идеи, стимулом для роста влияния в стране мощных антиевропейских сил, буквально взлетевших на уровень большой итальянской политики, – Лиги (до 2018 г. Лига Севера, *Lega Nord*) и «Движения пяти звезд» (*Movimento 5 Stelle*, или *M5S*).

Вошедшая едва ли не в пословицу отсталость Италии заявляла о себе далеко не в одной только сфере внешней политики, порождая и воспроизводя мучительные комплексы национальной неполноценности и уязвленности. Куда ощутимее она воспринималась как неустранимый фактор внутривнутриполитического развития – уже упоминавшихся региональных диспропорций между Севером и Югом, предопределивших на долгое время существование неразрешимого «южного вопроса», а с недавних пор и симметричного ему «северного вопроса».

«Южный вопрос», имеющий на сегодняшний день более чем полуторавековую историю, стал следствием растянутого во времени объединительного движения Рисорджименто, завершающим актом которого оказалась династическая война – завоевание переломным и промышленно развитым Пьемонтом других, несравненно более отсталых (особенно на юге Апеннинского полуострова) регионов Италии. Национально-государственное единство было достигнуто во многом за счет механического соединения различных по своему укладу социально-экономических, политических и культурных реальностей, которые крайне ограниченно и с превеликим трудом сообразовывались друг с другом. Такой вариант объединения страны предопределил существенные диспропорции в развитии ее отдельных исторических областей на длительную историческую перспективу вплоть до наших дней (Donolo 2015; Mastropaolo 2015).

На ту же разобщенность только что созданной трудами и жертвами нескольких поколений жителей единой Италии работал и новый фактор, имевший четко выраженную центробежную направленность. Его действие осуществлялось через механизмы цензового избирательного права, согласно нормам которого к выборам – народному волеизъявлению – допускалось лишь более чем скромное меньшинство итальянских граждан. Оно-то и составляло в соответствии с установленной политической традицией внутри формально единой Италии особую страну, освященную законом (*Paese legale*), в то время как за большинством, лишенным права голоса и фактически обращенным в изгоев, признавался статус иной страны, существующей в реальной действительности (*Paese reale*).

Политические силы умеренно-либерального толка, оказавшиеся у власти в единой Италии, хотя и яро исповедовали идеи консервативной охранительности, стремились вырваться из того прокрустова ложа, которое им вменяла модель отсталого развития. Благо что того же настоятельно требовали императивы создания массового общества – радикальной модернизации, несколько волн которой Италия пережила за более чем полтора столетия своей Новой и Новейшей истории. Те реформистские импульсы, которые исходили в разное время от партий, находившихся во власти, как и сами результаты реформ, далеко не всегда и не во всем соответствовали

социальным запросам и ожиданиям, связанным с ними. Это обстоятельство как нельзя лучше поощряло высокий спрос на альтернативные сценарии развития, исходившие и от реформистски настроенной правящей элиты, и в особенности от оппозиционных контрэлит.

Последние, в силу своей отчужденности от власти, полагают себя, как правило, свободными от ответственности за вероятные последствия осуществления своих вызывающе смелых проектов альтернативного развития. Поэтому они могут позволить себе намного больший простор мысли и полет фантазии по части политического творчества, концептуализирующего стратегию радикальных перемен.

Проекты более передового и прогрессивного, рационального и оптимального развития, сплошь и рядом сулившие итальянскому обществу самые радужные перспективы, тем не менее несут на себе заметный отпечаток все той же неустранимой отсталости. Верными признаками последней оставались как наличие обширных ареалов маргинализации, старых и новых, так и, соответственно, социального источника, воспроизводящего маргинальные формы сознания, социальной борьбы, социального давления и социального действия. По этим сценариям, авторство которых принадлежало великим политическим идеологиям XX в., старая модель развития должна была быть решительно отброшена, а ее результаты, воплощенные в существующем на данный момент политическом укладе и даже в государственности, – подвергнуться самому радикальному слову и разрушению.

Правящая элита, будучи носителем староукладных и заведомо консервативных моделей развития, тем не менее обладала собственным видением модернизации итальянского общества в соответствии с проектами и сценариями умеренного реформизма. Она не без успеха гасила эксцессы радикальной оппозиционности, которые начиная с последней трети XIX в. заявляли о себе в формах то бакунинского анархизма, то политического терроризма, то (уже позднее) других, им подобных форм социального действия (Коломиец 1976: 3–39). Политические отношения на протяжении более чем полутора столетий выстраивались – в обеспечение господствующей модели развития – на основе парадоксальных и, казалось

бы, совершенно невероятных политических союзов: монархистов и республиканцев, либералов и социалистов, христианских демократов и неконфессиональных, в том числе и левых, партий, северян из Лиги и южан из «Движения пяти звезд».

Это согласие, сплошь и рядом зыбкое и неустойчивое, достигалось посредством различного рода коррупциогенных схем, отработанных десятилетиями и доведенных до совершенства. Отклонением от такой закономерности стало разве что фашистское двадцатилетие – период тоталитарной диктатуры, который унаследовал модель форсированного догоняющего развития, сделав ее, благодаря возможностям применения мобилизационных методов управления, более динамичной, но не сумев при этом избежать катастрофических последствий ее осуществления. Такими последствиями стали тягчайший кризис государственности, поражение во Второй мировой войне, утрата, пусть на короткое время, национального суверенитета (сначала узурпированного нацистской Германией, а затем отчужденного в пользу союзной военной администрации вплоть до лета 1946 г.).

Фашизм при всей его ограниченности во времени, если исходить из исторических временных критериев, внес в итальянскую модель развития существенно новые черты. Утрата демократических завоеваний либерального шестидесятилетия, пусть весьма ограниченных, но все-таки элементарных прав и свобод граждан, способствовала, особенно на завершающем этапе диктатуры, распространению ностальгических настроений по отношению к дофашистскому прошлому. Оно наделялось свойствами великого преимущества перед настоящим, будь они реальными или вымышленными и надуманными. Это стало закономерной и естественной реакцией на прежнее фашистское видение истории либерального государства, которое трактовало его как период безвременья, тотальной коррупции правящей элиты, всеобщей деградации и упадка.

В пику этому предрассудку, который активно продвигался режимом тоталитарной диктатуры, будущность Италии, во всяком случае, со стороны умеренного антифашизма, влиятельной силы движения Сопротивления, мыслилась как простой возврат к либеральному прошлому, к его неоспоримым демократическим ценностям, причем не более чем его реставрация. В свою очередь, с па-

дением диктатуры симметричная ностальгия исходила и от побежденных – тех, кто склонен был вспоминать о периоде фашистской диктатуры с явной или скрытой симпатией, вдохновляясь иллюзией великодержавия, будто бы достигнутого тоталитарным режимом, мифами относительно его якобы исключительной эффективности по части государственного управления.

Был задан, таким образом, вектор развития итальянского общества, предполагавший возможности его попятного движения, воссоздания прежних политических укладов, методов и форм правления, институтов государства и гражданского общества. Бесспорно, идеи реставрации, воплощенные то в одном, то в другом политическом проекте, причем непримиримо враждебные друг другу, наталкивались на мощное сопротивление новых сил с их более радикальными целевыми установками по части преобразования общества. Безусловно, эти пароксизмы реставрации не могли претендовать на легальность присутствия в новой политической культуре Италии, но тем не менее вошли в число ее зримых и органичных элементов. Легко узнаваемые проявления этого политического наследия властно заявляли о себе во времена Первой республики эксцессами «черного» и «красного» терроризма, провоцирующими возврат к старым, авторитарным формам реализации власти.

Напомнили они о себе и в наше время. Такова, к примеру, была природа взрывного политического успеха «Движения пяти звезд», возродившего старые идеи ниспровержения всего и вся, всякой политической традиции. Впрочем, по мере приближения к власти, а затем и по мере вхождения в сферу большой, высокой и уважаемой политики позиции лидеров этого «Движения» в значительной мере смягчились (Железняков, Литвинова 2013: 123; Коломиец 2014: 164; Kolomijec 2019).

За такого рода изменениями, а по сути, за этими движениями вспять, с завидным постоянством демонстрируемыми итальянской пространственной социальной реальностью на протяжении всей истории Новейшего времени, современная философская традиция отнюдь не склонна признавать свойства развития. Утверждение в качестве необходимых характеристик процесса развития линейности и однонаправленности (см., например: Маркова 2010) не без успеха оспаривается исследованиями, принадлежащими, в частно-

сти, к авторитетному историографическому направлению, которое в Италии традиционно определяется как грамшианское (по имени его основателя и духовного предтечи Антонио Грамши). Грамшианская историография, позиции которой, каким бы ожесточенным нападениям они ни подвергались, сильны и в сегодняшней Италии, откровенно критична к устоявшимся представлениям о линейности вектора познания применительно к историческому развитию. Во всяком случае, в лице своего видного представителя Луиджи Кортези это направление историографии ратует за совершенно иную, альтернативную концепцию исторического развития, которую предстоит создать заново и буквально «с чистого листа».

То могла бы быть, по предвидению Кортези, «история, неподвластная императивам историзма, история, чуждая антропоцентризму, линейному и телеологическому видению исторического процесса, не испытывающая на себе господства фанатичной веры в рост производства, более не ведомая им насильно, а способная глубоко изменить, в некоторых отношениях даже перевернуть систему общепринятых представлений о прогрессе. И тогда в центре окажется не человек – организатор производства, не человек – денежный мешок, не сверхизобилие рынка, не умопомрачительное накопление капитала, не бездумный рост потребления. Уже не будет все ускоряющихся ритмов и темпов технического прогресса, произойдет возврат к естественному измерению времени, как и не будет ни человека-раба, ни человека-господина, ни пролетария, ни капиталиста, ни страждущего, ни благоденствующего. Заработают связующие механизмы биосферы, на смену циклу расширенного производства и воинствующе-агрессивной алчности капитала придет осознание ограниченности человеческих возможностей пределами, установленными природой...» (Cortesi 2002: 12).

Разумеется, импульс, питающий идею этой великой реформы историографической культуры (а по радикальности ее замыслов было бы предпочтительнее назвать ее историографической революцией), связывается Кортези с тем состоянием современного мира, которое определялось, по крайней мере, до совсем недавних пор, как глобализация общественных отношений. Она рассматривается в первую очередь с точки зрения одного из ее самых драматических последствий – глобализации факторов риска, связанных

с окружающей средой и ядерной и эпидемиологической угрозами (Cortesi 2002: 5–6).

Следует, безусловно, упомянуть и о том, что, как и во все времена, свою безусловную остроту сохраняет проблема взаимоотношений, взаимозависимостей и взаимообусловленностей, возникающих между различными пространственными социальными реальностями. Любая из них должна соотносить себя с внешним миром. Заимствуя или отвергая опыт развития иных социальных реальностей, она вынуждена встраивать его элементы в собственное развитие или же, напротив, сопротивляться такому встраиванию, а вместе с тем, по мере возможности, передавать свой собственный опыт другим (Kolomiez 2016: 30–31). С особой остротой это проявилось в Новейшее время, началом которого западная историографическая традиция считает Первую мировую войну, а отечественная – Октябрьскую революцию. Возникновение нового общественного строя в России, которому вскоре предстояло превратиться в мировую системную альтернативу либеральному Западу, внесло в отношения между пространственными социальными реальностями существенный момент отчуждения, быстро переросший в откровенную враждебность.

Сегодня в наметках все более актуализирующейся альтернативной концепции исторического развития очевидным образом проступает антиглобалистское видение картины мира, воплощение которой возможно лишь посредством все того же движения вспять, возврата к прошлому, в чем-то даже утопически романтизированного в качестве очередной версии «золотого века» человечества. Отчасти эти концептуальные выкладки вписываются в состояние современного общества, именуемое деглобализацией. Но проблема в том, что его черты, по сравнению с предшествующей глобализацией (или глобализмом как крайним воплощением социальной организации, порождаемой процессами глобализации), имеют весьма размытые контуры и очертания. Иными словами, деглобализация как концепт заключает в себе большую неясность по части ожидаемых результатов развития в данном направлении.

Глобализация, а тем более призванная прийти ей на смену или заместить ее деглобализация, вопреки прогнозам и ожиданиям, ничуть не упраздняют множественности пространственных социаль-

ных реальностей. Как и во все прежние эпохи, даже, казалось бы, самые незыблемые, неколебимые и устойчивые, эпохи глобализации/деглобализации также подвержены переделам, в том числе и весьма существенным, радикально изменяющим их, казалось бы, привычные конфигурации.

Литература

Бонифаци, К., Строцца, С. 2004. Опыт легализации нелегальных мигрантов в Италии. *Отечественные записки* 4: 244–255. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/opyt-legalizacii-nelegalnyh-migrantov-v-italii> (дата обращения: 17.05.2020).

Васильцов, С. И. 1983. *Рабочий класс и общественное сознание. Коммунисты в социально-политической структуре Италии*. М.: Наука. 284 с.

Вялков, Ю. А. 2007. Проблема регионального национализма в Италии (последняя четверть XX в.). *Новая и новейшая история* 6: 24–36.

Железняков, А. С., Литвинова, Т. Н. (ред.) 2013. *Социально-политические системы в сравнительном контексте: цивилизации и идентичности*. М.: ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2938> (дата обращения: 17.05.2020).

Коломиец, В. К.

1976. Начало нового этапа идейной борьбы в итальянском социалистическом движении (конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в.). В: Березин, Ю. И. (отв. ред.), *Проблемы рабочего движения и идеологической борьбы в Западной Европе (история и современность)* М.: Ин-т международного рабочего движения АН СССР. С. 3–39.

1985. Политический терроризм в истории Италии. В: Галкин, А. А. (отв. ред.), *Рабочий класс в мировом революционном процессе*. М.: Наука. С. 320–328.

2013. Рецензия на книгу: Eugenio Colorni dall'antifascismo all'europeismo socialista e federalista. Manduria; Bari; Roma: Piero Lacaita Editore, 2010. 324 pp. *Новая и новейшая история* 1: 232–234. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18840834_93558938.pdf (дата обращения: 17.05.2020).

2014. Фашизм в исторической памяти современности: итальянский вариант. *Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика* 4: 164–172. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29437066_80765359.pdf (дата обращения: 17.05.2020).

2015. Политический терроризм в Италии: забытая история. *Противодействие терроризму. Проблемы XXI в. – COUNTER-Terrorism* 2: 16–22.

2019. Концептуализация развития. Современные подходы. *История и современность* 3: 49–62.

2020. *Политический образ современной Италии. Взгляд из России*. М.: Интермедиа. 440 с.

Левин, И. Б.

1996. Итальянский кризис в зеркале российского. *Сегодня* 20 июня: 5.

2009. В урне – пепел демократии? *Полития* 2: 102–140.

Ленин, В. И. 1967. Аграрная программа либералов. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* Т. 10. М.: Изд-во полит. лит.-ры. С. 44–52.

Лисовский, Ю. П.

1979. *Южный вопрос и социальные конфликты в Италии: опыт экономико-социологического исследования*. М.: Наука. 373 с.

1990. *Италия: от фашизма к демократии. Трудные пути послевоенной перестройки*. М.: Наука. 285 с.

1992. Социокультурные предпосылки модернизации. Послевоенная Италия. *Полис. Политические исследования* 5–6: 167–175.

1997. Терроризм в Италии. В: Пархалина, Т. Г. (гл. ред.), *Актуальные проблемы Европы. Проблемы терроризма. Проблемно-тематический сборник*. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН. С. 34–82.

Маркова, Л. А. 2010. Развитие. *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* М.: Мысль. Т. 3. С. 397–399.

Патнэм, Р. 1996. *Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem. 288 с.

Яхимович, З. П.

1997. Левый центр у власти: итальянский опыт. В: Тимофеев, Т. Т. (ред.), *Форум: Политический процесс и его противоречия*. М.: Весь мир. С. 216–237.

2005. Левые демократы в обновленной партийной системе Италии. В: Швейцер, В. Я. (отв. ред.), *Европейские левые на рубеже тысячелетий*. М.: ОГНИ ТД. С. 209–217.

Bašić, N. 2003. New Identity of Terrorism. *ISIG. Trimestrale di Sociologia Internazionale. Peace and Terrorism: Europe as a Strategic Player for Conflict Resolution and Peacekeeping*. Trieste, Italy. Vol. 1/2 (Anno XII). Pp. 3–18.

Cortesi, L. 2002. La cultura storica e la sfida dei rischi globali. *Giano. Pace ambiente problemi globali*. Supplemento al No. 40. 44 pp. URL: <http://giano.problemiglobali.it/sites/giano.problemiglobali.it/files/RischiGlobali.pdf> (дата обращения: 17.05.2020).

Della Morte, M., Gliatta, M. A. 2017. La Strategia per lo Sviluppo delle Aree Interne e la sua implementazione in Molise e in Abruzzo. *Le Regioni, Bimestrale di analisi giuridica e istituzionale* 6: 1270–1277.

Donolo, C. 2015. Questione meridionale. *Parolechiave* 2 (54): 5–20. DOI: <https://doi.org/10.7377/82304>.

Giannola, A. 2017. Dalla dipendenza alla interdipendenza Nord-Sud: una nuova stagione per la ripresa dello sviluppo. *Rivista economica del Mezzo-giorno* 4: 843–856.

Jamieson, A. 1999. *The Antimafia. Italy's Fight against Organized Crime*. London: Palgrave Macmillan UK. 258 pp. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780333983423>.

Kolomiez, V. 2016. Il paese Italia nell'immaginario russo dell'Ottocento. *Oltre il confine. Europa e Russia dal 1917 a oggi a cura di Andrea Panaccione*. Quaderni/15. Milano: Fondazione Giangiacomo Feltrinelli. Pp. 30–31.

Kolomijec, V.

2013. Az I. Internacionálé Olaszországban. *A nemzetközi munkásmozgalom történetéből* XL: 143–144.

2019. A legundorítóbb választási kampány az olasz történelemben. *A nemzetközi munkásmozgalom történetéből* XLV: 157–159.

Marini, R. 2018. Il terrorismo tra realtà e spettacolarizzazione. *Problemi dell'informazione* 2: 323–325. DOI: <https://doi.org/10.1445/90695>.

Mastropaolo, A. 2015. La questione meridionale è una questione politica. *Parolechiave* 2(54): 43–56. DOI: <https://doi.org/10.7377/82307>.

Miotti, D. 2017. Zone Economiche Speciali per accelerare i processi di sviluppo delle Regioni del Sud appartenenti all'area della convergenza e non solo di quelle. *Rivista giuridica del Mezzogiorno* 4: 1001–1024. DOI: <https://doi.org/10.1444/88904>.

Papa, E. R. 2017. *Il processo alle Brigate Rosse. (Torino, 17 maggio 1976 – 25 giugno 1978). La difesa d'ufficio. Documenti*. Milano: Franco Angeli. 224 pp.

Papadia, E. 2018. Morirre per uccidere. Il terrorismo suicida tra interpretazioni funzionaliste e sguardi post-coloniali. *Studi culturali* 1: 129–134. DOI: <https://doi.org/10.1405/89731>.